

ТЕМНЫЙ АНГЕЛ

Дом актёра. — 1995. — № 8-9. — С. 10

Ефремов-младший покорительно-наступателен. Мало кто сомневается, что в быстрой его карьере (центральные роли, да какие — Чацкий и Отрепьев; многочисленные и тоже заглавные киносоздания типа Дубровского; недавно полученное звание заслуженного артиста) большое влияние оказала и фамилия; однако, собственное обаяние молодого актёра вряд ли кто рискнет отрицать. Можно понять старых театралов и тех, кто помнит начало Ефремова-старшего: потомок кажется воскресшей его копией, возвращая им собственную молодость.

Константин Райкин заметил как-то, что на сына знаменитости смотрят первые пять-десять минут, потом надо уже выкладывать что-то свое. В случае с Михаилом Ефремовым

это не так: черты родового сходства вспыхивают то и дело — в наклоне головы или в манере держать сигарету, в прищуре глаза или в общей нескладности фигуры, вновь и вновь рикошетом отсылая к давним и любимым публикой повадкам Олега Николаевича.

Тем не менее Михаил Олегович собственной индивидуальностью отличен. Прежде всего бросается в глаза безудержность темперамента — тут он готов поспорить не только с отцом, но и с представителями своего поколения, в целом характерного именно стремительным, нерассуждающим напором. Тут не до деталей, не до отделки: жизнь предстает постоянной схваткой, триллером, где важно прорваться первым — во имя чего и против кого, вопрос второстепенный: разберемся после.

Отсюда постоянный захлеб, существование, вроде бы, на пределе собственных возможностей и за ним. Высокая, вплоть до раздражения и отторжения, нота, взятая с начала любой роли и сохраняющая неистовость до конца. Импонирующая сверстникам и более младшим зрителям агрессивность, воспринимаемая сегодня знаком полноты бытия: не прозябание, но жадное поглощение каждого мгновения, алчное впитывание (да нет, пожирание) всех даров без особого разбора. Игрок и авантюрист, но удачливый и отмеченный свыше. Посему неизменная — и зрителю передаваемая — уверенность в собственной значимости и в верности поведения любого персонажа, непреложная убежденность в конечном и скором успехе. Даже с теми, особенно классическими, лицами, которые в замысле драматурга терпят поражение, Михаил Ефремов производит удивительные метаморфозы: его Гришка видится не выброшенным из окна, но гордо блистающим на троне, а Чацкий тот и вовсе женится на Софье в финале чеховомхатовской версии.

Заранее заданной правотой Ефремов-младший сильно отличается от старшего, типичного (или одного из лучших?) представителя «шестидесятников». Для того поколения тоже

знаменательна внутренняя убежденность, однако, выстраданная и — при всей значимости личных завоеваний — глубоко неэгоистичная. Для нынешних, похоже, освобождение от всех и всяческих запретов означает небрежение какими бы то ни было ограничениями, даже принимаемыми добровольно.

Но постоянная эксплуатация одного и того же имиджа, без тщательной разработки его психологической подоплеки, ведет к истощению. До сих пор недостатки были не слишком заметны, они покрывались, смазывались, ступшевывались тем огненным вихрем, что несет со своим появлением еще не слишком опытный артист. Все же — в основном в классических произведениях — бросаются в глаза нарастающая примитивность реакций и спрямленность внутреннего рисунка, что сказывается и на росте внешних штампов. В «Борисе Годунове» монастырская сцена уже проговаривается, а в польских фрагментах внятно однообразие интонаций и жестов.

Но еще разительнее актерская беспомощность при одноплановой, плоскостной режиссуре. При работе с актрисами класса Екатерины Васильевой («Игры женщин») или Ольги Яковлевой («Без зеркал») его безоглядность читается мужской чертостью, оттеняющей женскую утонченность. В «Подземке», поставленной в антрепризном Театре Антона Чехова (прости, классик, что допускаем такое использование твоего имени) у Ефремова-младшего роль дважды ведущая. Он — из той пары террористов-подонков, что держат в страхе случайных попутчиков, и в этой паре — лидер. Однако, избранные краски умещаются на пальцах одной руки: пустые глаза наркомана и фразы, лишенные намека на интонацию. По-видимому, это должно передать инфернальность, вневременность и вневлажность мирового зла; на практике получается заунывность, вредящая даже напряженности нехитрого, но детективного действия.

И все же, вспоминая другие работы Михаила, натываешься внезапно на боль, неизвестно откуда вспыхивающую в обычно полуприкрытых презрительным прищуром глазах, и — тогда в резком, почти грубографичном лице, обрамленном не прядями — космами, проступает нечто детски-беззащитное, трагическое в своей открытости и неприкаянности.

Михаил Ефремов — на сломе. Не потому, что вновь увлекся режиссурой: тут все та же дилемма, выбор между стандартом и уникальностью, пока клонящийся в сторону обыкновенности. Существеннее: будет ли повтор эксплуатации (и девальвации) найденного или хватит сил на собственную переделку, отнюдь не легкую. Достанет ли характера, мастерства да и дара, чтобы стать актером если не трагедии, то драмы, — или все ограничится маской преходящей звезды, волей судеб на секунду совпавшей с переменчивой модой.

Алексей Никитин

Михаил Ефремов родился в 1963 году, поступил в 1981 г. в Школу-Студию МХАТ на курс А.А. Попова. Призван в армию со второго курса, отслужив, вернулся на курс В. Богомолова. По окончании в 1987-90 гг. художественный руководитель театра «Современник-2», где поставил «Пощечину», «Эскориал», «Снега», «Тень», «Зверь-Машка», «Седьмой подвиг Геракла», «Чо, псих, что ль», в которых выступал и как актер. В 1991 зачислен в труппу МХАТ-Ч. Постановки: «Урок женам», «Урок мужьям» (Новая сцена) Роли: Чацкий, Треплев, Отрепьев, Моцарт («Амадей»), Вейнинггер («Последняя ночь Отто Вейнинггера»), Обухов («Олень и шалашовка») и др. В кино: «Когда я стану великаном», «Все наоборот», «Дубровский», «Лук», «Виват, гардемарин». Играет в Школе современной пьесы («Без зеркал»), в Театре Антона Чехова («Подземка»).